

виде деятельности шел в направлении все большей специализации (по линии технологических усовершенствований, изобретения и оптимизации орудий и приспособлений для ловли рыбы и ее обработки, налаживания этнокультурных, экономических связей на основе обмена продуктами производственной деятельности и т.д.). Технологическое усовершенствование промысловых занятий рыболовов (увеличение количества орудий добычи: острог, копий, стрел, ловчих крючков, кошелей, сетей, — ловля с лодок, а не только у берегов, в заводях и т.д.) повлекло за собой неизбежное полороловое разделение труда. Промысловый лов рыбы становится преимущественно мужским, а обработка добычи — женским занятием (в отличие от первобытного этапа, когда к ловле рыбы допускались все, вне зависимости от пола и возраста). Соответственно оформляются и усложняются издавна существовавшие циклы промысловых обрядов рыболовов (обрядово-ритуальное начало — естественное явление, сопровождавшее все без исключения жизненно важные для человека виды производственной деятельности). Именно представители культур, развивавшихся на берегах рек, были главными творцами мифологического образа реки как доминантного символа архаических мировоззренческих систем.

Одной из попыток рассмотреть воздействие природного фактора и, в частности, речного ландшафта на процессы становления и характер как материально-технологической сферы культуры, так и мировоззренческих систем традиционных культур Сибири является настоящей сборник, представляющий собой результат двухлетнего исследования, проведенного сотрудниками отдела Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Л.Р. Павлинская

РЕКИ СИБИРИ

Сибирь принадлежит к тем регионам мира, в исторической судьбе которых среди всей совокупности природно-географических факторов реки играют, пожалуй, основную или, по крайней мере, одну из самых главных ролей. Достаточно взглянуть на карту Сибири, чтобы понять: реки этой части континента образуют определенную систему, организующую все пространство Северной Азии. Три мощные водные артерии — Обь, Енисей и Лена — пронизывают территорию Сибири с юга на север, соединяя степной и горно-таежный

природные пояса с тундрой побережья Ледовитого океана. Наиболее узкая северо-восточная часть региона также пересекается с юга на север реками Яной, Индигиркой и Колымой — менее значительными, но достаточно большими, чтобы практически соединить берега двух океанов — Тихого и Ледовитого. Притоки же всех этих рек, заполняя колоссальные пространства между основными руслами, соединяют отдельные области региона в меридиональном направлении от Урала до Чукотки, не говоря уже об Амуре, четвертой из величайших сибирских рек, несущей свои воды с запада на восток по всей территории южной части Восточной Сибири, определяя ее границу с Центральной и Восточной Азией. Таким образом, несмотря на грандиозные размеры территории, Сибирь благодаря своим рекам не имеет ни одного изолированного района и представляет собой как бы единое географическое целое.

Эта особенность природной организованности географического пространства Сибири сыграла основную роль в истории освоения Северной Азии человеком, тем самым включив эту необычайно суровую по природно-климатическим условиям часть континента уже на самых ранних стадиях в антропогенный этап развития нашей планеты [Павлов 1936: 105]. Осознание особой роли рек как собственно в формировании самой ландшафтной оболочки земли [Мильков 1970: 66–68], так и в становлении и развитии человечества выдвинуло понятия речной культуры, речной цивилизации, раскрывающие одну из специфических черт общего процесса эволюции биосферы земли [Вернадский 1988: 33–37 и последующие].

Особая заслуга в разработке проблемы «река/культура/цивилизация» принадлежит русскому ученому второй половины XIX в. Льву Ильичу Мечникову, обобщившему свои исследования в обширной монографии «Цивилизация и великие исторические реки», опубликованной уже после смерти автора в 1889 г., переведенной в России в 1899 г. и переизданной в 1924 и 1995 гг. [Мечников 1899, 1924, 1995]. Свою главную идею Мечников выразил так: «С нашей точки зрения, основной причиной зарождения цивилизации являются реки. Река во всякой стране является как бы выражением живого синтеза, всей совокупности физико-географических условий, и климата, и почвы, и рельефа земной поверхности, и геологического строения данной области» [Мечников 1995: 355]. Однако было бы ошибкой сводить значение исследования этого ученого только к проблеме возникновения древнейших «речных» цивилизаций. Рассматривая влияния природной среды в самом широком ее аспекте на формирование особенностей той или иной культуры, Мечников обращается практически ко всем регионам мира, поэтому его выводы основываются на широком сравнительно-историческом и историко-культурологическом анализе, и большая их часть сохраняет свое научное значение до на-

стоящего времени. В этом смысле расширенное название монографии Мечникова, выпущенной в 1899 г. в Киеве и включающей в себя подзаголовок «Географическая теория развития современных обществ», значительно полнее отражает ее содержание.

Для темы нашей статьи наибольший интерес в работе Мечникова вызывает анализ именно «речного» феномена, при рассмотрении которого впервые в истории изучения мировой культуры была представлена широкая картина процесса возникновения и формирования четырех древнейших цивилизаций Земли в долинах крупнейших рек планеты — Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы. Однако не меньшее значение имеет и рассмотрение основных путей дальнейшего развития всемирной цивилизации, ее «европейский» этап. В ходе поступательного движения человечества ученый выделяет три фазы — речную, морскую и океаническую, каждая из которых «развивалась в своей собственной географической среде» и сменяла одна другую, организуя всеобщий исторический процесс [Мечников 1995: 337–338].

Давая подробную характеристику физико-географического строения, климата, природного и растительного мира каждой из рассматриваемой им областей возникновения древнейших государств, Мечников выявляет и общие для них закономерности: все они расположены в умеренном или субтропическом поясах, занимают широкие долины рек-гигантов, разливы которых ежегодно оплодотворяют почву, делая ее пригодной для ирригационного земледелия. При этом значительная часть его исследования посвящена анализу социальных отношений и причин, определяющих их характер. Объясняя «секрет» выдающейся роли семи рек Старого Света в истории развития цивилизации, Мечников пишет: «Специфическая географическая среда этих рек могла быть обращена на пользу человека лишь коллективным, сурово дисциплинированным трудом больших народных масс, хотя бы состоявших из самых разнообразных этнических элементов. <...> Типичная великая историческая река Нил ежегодно создавала своими благодетельными разливами не только новый слой плодородной почвы, но вместе с тем создавала и новые социальные связи, содействовала укреплению и развитию сложно организованного общества» [Мечников 1995: 358–359].

Древнейшие цивилизации великих рек Мечников определяет как «пробывшие, изолированные и отличные друг от друга», исчерпавшие на определенном этапе свои внутренние ресурсы в ходе развития технологического прогресса. «По прошествии многих веков поток цивилизации спустился по берегам рек к морю и распространился по его побережью. Так наступила вторая эпоха в истории развития цивилизации, которую можно назвать морской или средиземноморской, так как цивилизация охватила главным образом берега

этого внутреннего морского бассейна, расположенного между Африкой, Азией и Европой» [Мечников 1995: 329]. Это послужило началом становления европейской цивилизации, период которого охватывает все средневековье. Реки Европы, несущие свои воды как на север, так и на запад и юг (а также теплое течение Гольфстрим, делающее северные моря незамерзающими), помогли раздвинуть границы цивилизации, включив в ее пространство страны и народы от Северного, Балтийского и Баренцева морей до Черного, а широкий выход народов на побережье открытых морей Атлантики подготовил начало следующего океанического этапа цивилизации, который Мечников предложил назвать атлантической эпохой.

Началом его явились великие географические открытия, которые определили и межконтинентальные этнокультурные контакты, и новое время истории. Этот период включает в себя не только широкое распространение европейской цивилизации и ее влияния на народы и культуры различных областей мира, но также формирование на ее основе новой американской культуры, положивший начало новейшему этапу истории и эпохи всемирной цивилизации, которая объединяется всем водным пространством планеты [Мечников 1995: 338].

В то же время Мечников полагал, что именно замкнутость индийской цивилизации в бассейне породивших ее рек — Инда и Ганга, не имевших удобного сообщения с морем, не дали ей возможность войти в морскую и океаническую стадии. По мнению Мечникова, это привело к тому, что Индия «замерла и обособилась от общего потока всемирной истории». Несколько иные факторы: длительные завоевания многих плодородных областей речных долин, жестокие периодические наводнения Желтой реки и, конечно, северные «варвары» — привели и Китай к некоторому отставанию от Европы [Мечников 1995: 442, 445].

Итак, монография Л.И. Мечникова явилась первым широким обобщающим исследованием проблемы воздействия речного ландшафта на развитие социально-культурных процессов, формирование древнейших государственных образований и в целом роли водных пространств земной поверхности в истории человечества, что делает это труд необычайно ценным для многих научных дисциплин, включая этнографию, археологию, историческую и экономическую географию и многие другие.

Однако научный интерес Мечникова к проблеме влияния ландшафта, в частности речного, на развитие человеческого общества естественным образом основывался на том отношении к понятиям «цивилизация» и «исторический прогресс», которые были выдвинуты европейской наукой в XIX в. Отдавая должное ведущей роли древнейших государств в становлении и развитии планетарной ци-

визации на раннем этапе человечества, Мечников во всех последующих исторических периодах основное место отводит европейской культуре, только за ней признавая прогрессивное цивилизационное значение в мировой истории. В то же время, чувствуя определенную ограниченность существующего в его время понятия цивилизации, он уходит от четких формулировок, соглашаясь со своим современником П. Мужодем в том, что оно является одним из самых сложных и «охватывает собою совокупность всех открытий, сделанных человеком, и всех изобретений; оно определяет сумму идей, находящихся в обращении, и сумму технических приемов; это понятие выражает также степень совершенства науки, искусства и промышленной техники; оно показывает состояние семейного и социального строя и вообще состояние всех существующих социальных учреждений» [Мечников 1995: 234]. Более того, и его отношение к прогрессу общественного развития находилось в прямой зависимости от той неудовлетворенности, которую вызывало в нем принятое в европейской науке времени определение цивилизации и культуры. «Между англичанином, например, и новозеландским маори, между дикарем африканского племени батеке и самым просвещенным чиновником Бельгийского Конго существует не только разница, при помощи которой мы отличаем “цивилизацию” от “варварства”, но существуют наравне с этим и другие различия, которые затемняют вопрос и усложняют дело. При переходе от крайних звеньев, форм и оттенков к промежуточным в среднем количество затруднений еще более увеличивается, и мы в своих наблюдениях попадаем все более и более в случайности и под влиянием наших субъективных симпатий и тенденций, окончательно делающих нашу оценку недоказательной, противоречивой и произвольной» [Мечников 1995: 234].

Тем не менее, признавая за большинством народов, не достигших стадии государственности, значительную степень приспособленности к окружающей среде и создание «зачатков культуры», Мечников резюмирует: «мы имеем полное право сказать, что ни один из этих народов не принес ни единого камня для постройки величественного здания всемирной цивилизации, не вложил ни одной лепты в общую сокровищницу человечества» [Мечников 1995: 288]. А в заключении одной из глав своей книги он приходит к выводу, что «в наши дни лишь одна Европа имеет более или менее неоспоримое право на название цивилизованного материка. Ее ближайшая соседка, огромная Азия, с исторической и физико-географической точек зрения, делится цепями гор и высоких плоскогорий, пересекающих ее по направлению наибольшей длины (от Черного моря до берегов Великого океана), на две неравные части. Половина, большая, занимающая все пространство к северу от этой демаркационной ли-

нии и спускающаяся к Северному Ледовитому океану, представляет собой обширную пустыню, где едва в среднем приходится один человек на квадратный километр и где несколько незначительных городов вместе с остатками древних культурных центров составляют немногие культурные базы в бассейнах Аральского моря, озера Или и реки Тарим. <...> В обеих Америках занесенная из Европы цивилизация еще борется с туземным варварством. Наконец Африка, за исключением узкой береговой полосы, коснеет еще в дикости» [Мечников 1995: 286–287].

Весьма показательна и та характеристика, которую Мечников дает рекам Сибири, определяя их роль в историческом процессе. «Впрочем, эти реки всегда приводятся как доказательство того положения, что социальная и экономическая ценность этих рек сводится почти к нулю благодаря тому, что они впадают в Северный Ледовитый океан, покрытый плавучими льдами и почти непригодный для плавания. Это утверждение, для меня лично весьма спорное, может иметь географическое значение в занимающем нас вопросе. Бесспорно, зачатки цивилизации, возникшие на берегах великих рек, оканчивающихся в ледяных пустынях арктической области, не могли нормальным путем развиваться в следующую, вторую морскую стадию, но сущность дела заключается в том, что в бассейнах этих рек никакой цивилизации не было, а связывать причинной связью арктическое положение рек и **отсутствие в их бассейнах какой-либо культуры** (выделение. — Л.Л.) представляется безосновательным. В древности великие исторические реки, на берегах которых зародились цивилизации, были, пожалуй, еще в более неблагоприятных условиях, чем сибирские реки» [Мечников 1995: 356–357]. Таким образом, Л.И. Мечников не только исключает сибирский регион из процесса развития мировой цивилизации, но и отрицает существование на этой колоссальной территории культуры как таковой. Как мы видим, в позиции ученого кроется глубокое противоречие, так как, с одной стороны, он признает, что понятие «цивилизация» включает в себя «всю совокупность достижений и идей», созданных человечеством, с другой — убежден, что единственным цивилизационным путем развития является путь европейской культуры. Однако такова была позиция всей европейской науки XIX в., и только в начале XX в. она стала постепенно меняться, все больше и больше признавая многомерность форм и линий развития цивилизации.

Однако несостоятельность европоцентристской позиции Л.И. Мечникова ни в коей мере не умаляет его огромной заслуги не только в постановке проблемы первичности «речной цивилизации» в истории развития человечества и в блестящем анализе самого механизма становления культуры и государственности в бассейнах крупнейших «исторических» рек, но и в глубоком обобщении генетической

взаимосвязанности общества, специфики его культурных и социальных форм, темпов жизнедеятельности с особенностями ландшафтной среды занимаемой им территории. В своих научных изысканиях Мечников, конечно, не был абсолютным пионером, проблема влияния ландшафта на особенности развивающихся в нем культур занимала умы многих исследователей начиная с Геродота, который первым отметил воздействие разливов Нила на формирование земледелия в Египте и возникновение здесь государства [Дмитриевский 1995: 17–18]. Однако именно Мечникову принадлежит честь обоснования стройной концепции воздействия географических и природно-климатических условий речного, морского и океанического феноменов на развитие земной цивилизации.

Мы намеренно посвятили несколько страниц цитатам из монографии Л.И. Мечникова. Нашей целью было познакомить читателя с его основными идеями и взглядами и хотя бы кратко с его теорией, не просто обосновывающей первичность «речных» цивилизаций, но и ставящей проблему общего значения водных пространств в истории развития мировой культуры, а также отдать дань уважения этому замечательному ученому, так незаслуженно забытому последующими поколениями отечественных исследователей. В монографиях, статьях и других видах научных публикаций, посвященных тем же регионам, тем же народам и тем же проблемам, практически не встретишь упоминания имени человека, внесшего значительный вклад в разработку проблемы «вода/культура».

Позиция Л.И. Мечникова в отношении европейской цивилизации была, в сущности, опрокинута в ходе дальнейшего исторического развития. Та самая европейская цивилизация (включая и американскую как ее продолжение), которую он в конце XIX в. считал единственно достойной называться цивилизованным миром, в конце XX в. оказалась на грани полного истощения внутренних социально-экономических и культурно-нравственных ресурсов, поставив под угрозу гибели не только захваченную ею часть планеты, но и ойкумену человечества в целом [Генон 1991: 71–72 и последующие]. Ее узко технологический путь развития, ставший на пороге третьего тысячелетия практически самоцелью, привел к катастрофическому разрыву человека и культуры с окружающей и породившей их природой средой. Путь этот, несмотря на огромные достижения и открытия человека, исчерпал себя, а осознание, по крайней мере частью человечества и научного сообщества, опасности дальнейшего усиления техногенного фактора заставило ее с особой остротой вглядываться в те периоды своего существования, когда взаимоотношение человека с Природой носило более гармоничный характер, а его созидательные возможности развивались в соответствии с самой сущностью Природы, способной активно участвовать

в формировании культуры, во многом определяя ее облик, внутренний характер и даже психологический тип [Поплинский 1995: 4].

Действительно, великие географические открытия и последующая эпоха колонизации, несмотря на всю ее жестокость и разрушения, вплоть до уничтожения целых народов и разграбления огромных территорий, в чем достаточно ярко проявила себя европейская цивилизация, не только вызвали масштабные межконтинентальные этнокультурные контакты, охватившие все регионы мира, и усилили внутриконтинентальные связи между народами, но в конце концов сыграли важную роль в осознании человечеством своего единства и привели к новому пониманию цивилизации в ее общепланетарном масштабе. Человек увидел свою планету во всем многообразии ее природных и культурных форм, каждая из которых является закономерным результатом развития биосферы Земли, подчиненного глобальным космическим законам Вселенной. Он оценил и подвиг своих предков, освоивших практически всю поверхность земного шара — от жарких тропиков до снежных просторов тундры. Отсюда появляется и новое отношение к каждой конкретной культуре — понимание ее самоценности, возникает стремление познать ее характер, специфику, проникнуть в ее психологическую природу. В науке особое значение приобретает тема «природа/человек/культура», в которой важное место, особенно в XX в., занимает проблема духовного познания мира на разных этапах истории человечества, воздействие его на устройство человеком своего космоса и определения своего места в нем, на процесс «очеловечивания» природы и самого человеческого сообщества. Возникает и совершенно новое отношение к цивилизации, выдвинувшее такие понятия, как цивилизация Гор, цивилизация Степей, цивилизация Тайги и цивилизация Льда, и породившее такое направление науки, как сакральная география (подробнее см.: [Дугин, 1992: 19]).

Все вышесказанное, как представляется, достаточно убедительно объясняет всю правомерность обращения к такому региону, как Сибирь, реки которой входят в число крупнейших водных артерий мира и играют, пожалуй, не меньшую роль в судьбе мировой цивилизации, чем их «великие исторические» сестры. Однако раскрыть все значение сибирских рек в развитии существовавших на протяжении многих тысячелетий и существующих ныне культур — задача, не осуществляемая в рамках одной статьи. Тем более что, с одной стороны, «речной феномен» Сибири никогда не был предметом специального исследования с точки зрения его культурно-исторического значения в целом, с другой — роль реки в формировании и жизни отдельных культур, а также в становлении хозяйственно-культурного типа (ХКТ) рыболовов и охотников рассматривалась большинством сибиреведов, как археологов, так и этнографов. Обоб-

щение всего имеющегося сегодня материала по этой проблеме может явиться темой обширной монографии, скорее всего коллективной. Поэтому в настоящей статье поставлена цель лишь наметить основные аспекты значения рек в освоении человеческого сибирского региона как в хозяйственно-культурном, так и в эмоционально-психологическом плане, а главное, привлечь внимание исследователей к данной проблеме, изучение которой во многом расширит наше представление о роли природно-ландшафтной среды в формировании и развитии земной цивилизации.

Среди тех культурно-исторических процессов, которые протекали на территории Сибири, воздействие речного фактора при первом приближении наиболее отчетливо прослеживается в заселении региона, в темпах, направленности и характере этногенетического и этнокультурного развития, в хозяйственном освоении и формировании мировоззренческих систем, а также в постепенном становлении Сибири как части общемирового геополитического пространства.

Территория Сибири занимает пространство от Уральских гор до берегов Тихого океана и от побережья Ледовитого океана до степей Центральной Азии и Казахстана. Она располагается между 50° и 77° с.ш. и между 60° в.д. и 168° з.д., т.е. в средних и высоких широтах северного полушария и занимает площадь свыше 10,1 млн кв. км. Сибирь расположена в зоне трех климатических поясов — арктическом, субарктическом и умеренном. Климат региона, удаленного от влажных теплых воздушных потоков Атлантики и южных морей и открытого для ветров Ледовитого океана, является резко континентальным с теплым и даже жарким в южных районах летом и суровой зимой, когда морозы в центральной части Восточной Сибири доходят до -60° С. Для южных окраин Дальнего Востока характерен умеренный и умеренно-холодный муссонный климат с теплым влажным летом и суровой малоснежной зимой. Крайний Север и Северо-Восток лежат в области арктического и субарктического климата, устойчивый снежный покров держится здесь до 8 месяцев в году. Следствием резкоконтинентального климата является широкое распространение вечной мерзлоты. Южная граница ее распространения доходит до 65° параллели, а в горных районах ее очаги существуют на всем пространстве региона. Толщина вечной мерзлоты в центральных районах достигает 600 м, а на северном побережье доходит до 800 м. Вытянутость Сибири не только в широтном, но и меридиональном направлении обусловило присутствие здесь всех природных поясов, характерных для холодного и умеренного климата: степь, лесостепь, тайга, лесотундра, тундра и полярная пустыня [История Сибири 1968, 1: 23–24].

Своеобразие природно-климатических условий различных областей Сибири обусловило сложение на ее территории различных хо-

зайствовенно-культурных типов — рыболовов и охотников, кочевников-оленоводов и кочевников-скотоводов, охотников на морского зверя, что выявляет удивительную способность человека к адаптации в самых суровых районах земного шара. Но сибирский регион прежде всего поражает существованием здесь на разных исторических этапах ярких, богатых самобытных культур, свидетельствующих об активной духовно-творческой деятельности человека, несмотря на огромные усилия, затрачиваемые им на выживание в экстремальных условиях Северной Азии.

По характеру рельефа, почвам, специфике гидросистемы Сибирь подразделяется на Западную и Восточную. В последней в природно-климатическом и историко-культурном планах выделяются как особые регионы Южная Сибирь, Дальний Восток и Крайний Северо-Восток.

Западная Сибирь простирается от Урала до левого берега Енисея, занимая колоссальную Западно-Сибирскую низменность, и лишь на юго-востоке и западе включает в себя возвышенности предгорий Алтая, Кузнецкого Алатау и Урала. Важной особенностью Западной Сибири является расположение ее основной части в единой гидросистеме Обь-Иртышского бассейна, и только восточные ее пределы охватываются левыми притоками Енисея. Протяженность Оби и Иртыша равняется 8 918 км, а площадь их бассейна составляет почти 4 млн кв. км. Более того, притоки Оби (Бия, Катунь, Чумыш, Томь, Сосьва) и Иртыша (Омь, Ишим, Тобол) представляют собой весьма значительные реки, которые, например, в масштабе Западной Европы считались бы большими. В то же время характер речной сети в степной и таежной зонах резко различается. Если в степной зоне Обь и Иртыш имеют незначительное число притоков, то в таежной, особенно Обь, включают в себя столь разветвленную сеть впадающих в них рек и ручьев, что расстояние между их руслами редко превышает 12 км. Более того, на территории Западной Сибири находится свыше 800 тысяч озер, большая часть которых расположена в таежной и лесотундровой зонах. Размеры их и глубина сравнительно невелики, лишь озеро Чаны, расположенное в Барабинской степи, в период высокой воды достигает площади 3,5 тыс. кв. км и глубины 10–12 м. Обилие озер непосредственно связано с предельно высокой заболоченностью Западно-Сибирской низменности. Площадь болот составляет почти половину ее территории, среди которых особенно выделяется система Васюганских болот, достигающих 250 тыс. кв. км [Советский Союз 1967: 24–31].

Восточная Сибирь охватывает пространство от бассейна Енисея до берегов Тихого океана. Основной особенностью рельефа этой части Сибири является общая значительная приподнятость над уровнем моря, при этом горные массивы и плоскогорья занимают 3/4 ее

территории. Значительную часть региона занимает Среднесибирское плоскогорье (высота 500–700 м), протянувшееся от Енисея до Лены и от Таймыра до Байкала. С юга и востока плоскогорье охвачено полукольцом горных хребтов — Восточными Саянами, Становым и Алданским нагорьями и Верхоянским хребтом. Восточные Саяны вместе с отрогами образуют величественную горную страну, вершины которой достигают высоты 2 900–3 400 м. Продолжением ее на востоке является Яблоневый хребет, занимающий большую часть Забайкалья. Территория северо-востока Восточной Сибири также представляет собой область высоких горных хребтов, образующих мощную дугу, внутри которой размещается сложная система гор и плоскогорий. Высота горных вершин Верхоянского хребта, хребта Черского и Сунтар-Хаята достигает 2 900 м, а гора Победа в пределах хребта Улахан-Чистай имеет 3 147 м [Советский Союз 1969: 20–24].

Низменности Восточной Сибири располагаются только вдоль побережья Ледовитого океана, где они занимают в основном тундровую зону, и долин нижнего и среднего течения крупнейших рек. Самая значительная из них — Таймырская — лежит за полярным кругом между низовьями Енисея и р. Хатангой и представляет собой холмистую местность с неглубокими озерами. На востоке пространство низменности сужается, а в устье Лены круто поворачивает на юг и по долине реки спускается до Якутска, где объединяется с Центрально-Якутской низменностью, расположенной на речных террасах Лены и ее притока Вилюя. Здесь также имеется большое количество озер, расположенных на плоских, слегка приподнятых междуречных пространствах. На восток низменность продолжается до низовья Колымы, узким языком спускаясь к югу по долинам Яны, захватывая широкое пространство между Индигиркой и Колымой [Советский Союз 1969: 17–19]. Таким образом, низменности приурочены к межгорным впадинам, долинам рек и побережью северных морей.

Реки Восточной Сибири представляют собой густую и разветвленную сеть. Почти все они впадают в Северный Ледовитый океан, и только Амур и его притоки несут свои воды в Охотское море Тихого океана. Главными реками Восточной Сибири являются Енисей и Лена, берущие свое начало в горах Южной Сибири. Длина каждой из них превышает 4 тыс. км, а общий бассейн имеет площадь более 2 млн кв. км. Междуречье этих рек пронизано большим количеством больших и малых притоков, верховья которых часто располагаются поблизости друг от друга, что во все времена делало легко проходным Среднесибирское плоскогорье. К востоку от Лены чередой идут менее мощные, но тоже большие реки: Яна, Индигирка, Алазея, Колыма, — притоки которых также достаточно близко подходят своими верховьями друг к другу; а между Леной и Енисеем не-

сет свои воды Оленек. Длина этих рек колеблется от 2 600 км (Колыма) до 1 490 км (Алазея). В пределах Восточной Сибири расположено более 100 тыс. озер, но распределены они неравномерно. Больше всего их в тундровой зоне — на Таймырском полуострове, в низовьях Колымы и Индигирки. Густая сеть озер покрывает Центрально-Якутскую низменность. Все они имеют незначительную глубину, не превышающую 10 м. Жемчужиной Восточной Сибири является озеро Байкал. Оно лежит в глубоком тектоническом понижении и окружено покрытыми тайгой невысокими горными хребтами. Его размеры столь велики, что в народной традиции оно по праву называется морем. Длина Байкала 636 км, ширина около 80 км, а самая глубокая точка дна достигает 1 620 м. Необычайно разнообразны флора и фауна Байкала: более 1 800 видов различных растений и животных обитают в его водах, особенно поражает присутствие в озере байкальского тюленя. Необычная для озер фауна Байкала объясняется древностью его происхождения: в палеогене в связи с поднятием суши и образованием Среднесибирского плоскогорья его бассейн отделился от океанических вод [Советский Союз 1969: 53].

Почти все реки Сибири питаются в основном водами от таяния снегов весной и летне-осенних дождей. Основная масса воды проходит по рекам весной и летом в период половодья, которое бывает в конце весны, начале или середине лета. Уровень воды в это время поднимается в среднем на 4–6 м, а в низовьях основных рек, где собирается вода со всего бассейна и находится вечная мерзлота, задерживающая на поверхности воды, паводки достигают грандиозных размеров: на Оби вода поднимается до 6–8 м, на Лене — до 10 м, Енисее — до 15–18 м, а в Нижней Тунгуске, зажатой с двух сторон высокими участками Среднесибирского плато, подъем уровня воды в некоторые годы достигает 30 м. В начале осени уровень воды резко понижается. В конце сентября в реках тундровой зоны появляется шурга, а в октябре они сковываются льдом, к началу ноября замерзают все таежные реки, а многие небольшие речки к концу зимы промерзают до дна. Реки скованы льдом от 8 месяцев в году в тундровой зоне и до 4 месяцев в Южной Сибири [Советский Союз 1969: 45–50].

Мы были вынуждены привести краткую характеристику не только самих сибирских рек, но и климата и ландшафта, без чего невозможно правильно оценить значение самих рек в истории освоения человеком огромных пространств Северной Азии. Невозможность земледелия на большей части территории Северной Азии (холодный климат, состав почв, вечная мерзлота) и, безусловно, выход речных артерий в Ледовитый океан создали предпосылки для совершенно иного, резко отличного от Европы, Южной Азии и Северной Африки, пути культурного развития. И в то же время отсутствие на ее пространстве «классических» цивилизаций ни в коей мере не ума-

ляет значения освоения человеком северных земель и созданных им здесь ярких и самобытных культур, представляющих собой важный компонент мировой цивилизации.

Территория Сибири в связи с суровым климатом этого региона на границе третичного и четвертичного периодов не является родиной человека, ее заселение началось только в эпоху позднего палеолита около 35 тыс. лет назад, когда уровень культуры древнейших охотников стал настолько высок, что позволил им освоить колоссальные пространства Северной Азии [Чебоксаров 1978: 99–101]. Основным занятием населения в эпоху верхнего палеолита была охота: в северных широтах — на плейстоценовых животных (мамонта, шерстистого носорога), в южных — на дикую лошадь, коосулю. С приближением голоцена основными промысловыми животными стали лось, олень, сайгак, косуля. Однако уже в древнекаменном веке различия в природно-климатических условиях Западной и Восточной областей Сибири существенным образом отразились на степени освоения человеком этих регионов.

Заселение человеком Северной Азии началось с южных и восточных областей региона. Западная Сибирь практически до конца палеолита была фактически непригодна для хозяйственной деятельности. Ее равнинный рельеф способствовал почти сплошному материковому оледенению, особенно в период похолодания [Формозов 1964: 205–207]. В то же время в каргинский межледниковый период (35–23 тыс. лет назад), когда общее потепление приблизило климат Северной Азии к современному, на Западно-Сибирской низменности образовалось колоссальное «подпрудное озеро», которое охватывало территорию от Урала до Правобережья Оби [Волков, Волкова 1965: 113–114]. Обнаруженные в лесостепной зоне памятники этого периода представляют собой или кратковременные сезонные стоянки, или просто следы эпизодической хозяйственной, главным образом охотничьей деятельности, как, например, стоянки Шикаевка II, Черноозерье II, Могочино I [Петрин 1983: 46].

В Восточной Сибири уже на этапе верхнего палеолита в межледниковый каргинский период человек дошел до Верхоянского хребта. При этом все открытые в Восточной Сибири стоянки этого времени на Енисее, Ангаре, Лене и Алдане располагаются на верхних пойменных речных террасах, т.е. продвижение человека вглубь Северной Азии проходило по долинам речных артерий. Ученые предполагают, что уже в это время человек освоил и большую часть Северо-Востока, включая Чукотку [Матюшин 1984]. Археологи выделяют известные в настоящее время ранние верхнепалеолитические памятники Восточной Сибири в дуктайскую культуру, время существования которой продолжается с 35 по 10–9 тыс. Необычайно важным представляется тот факт, что дуктай-

ский каменный инвентарь по технико-типологическим признакам (двусторонняя обработка — бифасиальный тип) представляет собой совершенно самостоятельную линию развития, которая не связана с западно-сибирским и ангаро-енисейским палеолитом Южной Сибири, а находит аналогии с ашело-мустьерскими памятниками Азии (от Урала до Ордоса) и левалуа-ашельскими Европы. Это послужило основанием для предположения, что «уже в каргинское время на огромных пространствах Северной Евразии, от Рейна до Тихого океана, существовала цепь бифасиальных культур <...>», что свидетельствует о первичном продвижении человека в Сибирь из Восточной Европы, в частности с берегов Волги, Днепра, Дона и Дуная [Окладников 1950: 157; Молчанов, Федосеева 1983: 15]. Реки и озера, пополнившиеся водами в период потепления и таяния ледников в каргинский период, о чем, кстати, свидетельствует расположение стоянок на верхних речных террасах, позволили ему преодолеть огромные пространства от Волги до Монголии, Южной и Восточной Сибири.

С наступлением сарганской эпохи (23–10,5 тыс. лет назад), связанной с сильным похолоданием и горно-долинным оледенением, как полагают археологи, в континентальных районах территория обитания человека несколько сократилась, но это компенсировалось за счет осушения шельфа Ледовитого и Тихого океанов. Растительный мир Восточной Сибири в момент наибольшего распространения оледенения по своему характеру приближался к лесотундровому. В этот период древние охотники, сохраняя за собой южные районы Сибири, продвинулись в заполярные области, где на 71⁰ с.ш. известна самая северная стоянка Берелех, возраст которой определяется 13–12,5 тыс. лет назад [Археологические памятники Якутии 1983:14].

Важной особенностью топографии памятников верхнего палеолита Сибири является не только их расположение на речных надпойменных террасах, но и тот факт, что подавляющее большинство их обнаружено не на берегах больших основных рек, воды которых без транспортных средств были практически недоступны человеку в то время, а на берегах малых притоков, причем, как правило, на приустьевом мысу [Там же]. Видимо, эти места хорошо продувались ветрами летом, спасая от мошкары и гнуса, были более безопасны, давая возможность широкого обзора. На малых реках чаще располагались места водопоя диких животных, а приустьевые районы рек всегда являлись наиболее богатыми рыбными угодьями. Последнее обстоятельство хорошо прослеживается в культурах последующих эпох, особенно неолита, когда при сложившемся ХКТ охотников-рыболовов практически все поселения на реках устраивались на приустьевых мысах. Большое значение приустьевого мыса в процессе освоения речного ландшафта получило

отражение в мифологиях многих народов Сибири, в которых мыс реки выступает важным элементом модели мира, ее пространственно-временной структуры.

Расположение же на приустьевых мысах большинства стоянок верхнего палеолита позволяет предполагать, что и в этот период, когда основным средством существования была охота, рыболовство все же имело определенное значение в хозяйственной деятельности. Более того, важно отметить, что по всей территории Северной Азии палеолитические культурные слои значительного числа стоянок перекрыты культурными слоями эпохи неолита, бронзы и даже железа. Это свидетельствует о том, что не только становление первичных форм производящего хозяйства (земледелия и скотоводства) было обусловлено речными поймами малых рек [Буровский 1999: 14], но и вообще первичное освоение человеком различных ландшафтных зон планеты, в частности Северной Азии, началось с долин малых рек. Более того, в Сибири, особенно в таежной зоне, с ними было теснейшим образом связано все развитие присваивающих форм хозяйственной деятельности. Постоянно используя начиная с эпохи неолита большие реки как средства сообщения — пути переселения (миграции), торговли, военных набегов и т.п. — или при определенных видах промысла, как, например, осенне-весенняя охота на оленей на переправах при миграции стад (так называемая поколка, появившаяся уже в мезолите), на протяжении многих тысячелетий человек предпочитал селиться на малых реках, или по крайней мере, в устьях притоков больших рек. Это объясняется многими причинами: и расположением промысловых угодий (весенний ход рыбы в малые реки), и большими и опасными паводками на больших реках, и многими другими причинами. Одной из них, на наш взгляд, безусловно, является определенная соотнесенность небольших охотничьих или рыболовческих коллективов с размерами малых рек, т.е. человек в природе обустроивался в ландшафте соответствующего ему масштаба, в чем проявлялась одна из особенностей глубокой взаимосвязи человека с Природой. Недаром в традиционных культурах Сибири понятие малой родины всегда определялось территорией небольшой реки. Здесь уместно привести результаты очень интересного исследования В.В. Евдокима по топографии поселений эпохи бронзы в степном Притоболье. По его наблюдениям, 82 % известных в конце 1970-х годов поселений этого времени располагались на маленьких речках. Из них 2/3 поселений обнаружены археологами на мысах (приустьевых или образованных логами) и только 1/3 — вдоль берегов [Евдокимов 1979: 61].

Потепление климата и отступление ледников, начавшееся примерно 10–9 тыс. лет назад, приводит в Восточной Сибири к высокой

активности населения. Движение это начинается с юга, с территории существования ангарско-енисейской (мальтийско-афонтовской) палеолитической традиции. С продвижением ее носителей на север и северо-восток на обширной территории возникает новая сумнагинская культура, памятники которой зафиксированы на Лене, Алдане, Вилюе, Таймыре, Анабаре, Индигирке, Колыме, Чукотке и на Охотском побережье [Мочанов, Федосеева 1983: 16]. При этом принцип расположения стоянок не меняется, их продолжают устраивать на приустьевых мысах малых рек и во многих случаях они располагаются на тех же местах, что и стоянки дюктайской культуры. Но если в дюктайскую эпоху, особенно в эпоху сартанского похолодания, стоянки располагались на второй, а иногда и первой надпойменных террасах, то в этот период в связи с потеплением и повышением уровня воды в реках и озерах стоянки часто поднимаются на третью. Основным хозяйственным занятием сумнагинцев продолжала оставаться охота на лося, оленя (в тайге и тундре), бизона, сайгака, козулю (в лесостепных районах). Однако рыболовство приобрело все большее значение.

Планомерное освоение Западной Сибири происходит в мезолите (10–9 тыс. лет назад) с началом атлантического потепления. Однако в течение атлантического периода фазы увлажнения сменялись фазами более сухого климата. Характер почвы горизонта пойменных долин указывает на длительную незатопляемость пойм, это дает основание предполагать, что основные маршруты заселения человеком западно-сибирской низменности проходили именно по речным долинам [Кирушин, Малолетко, Фирсов 1979: 62]. Памятники этого времени открыты в междуречье Тобола и Ишима, в бассейне Конды и Среднем Зауралье [Косарев 1991: 31]. Все они расположены на террасах рек и берегах озер — Выйка II, Венгерова V, Ново-Тарсская и др. По технико-типологическим показателям (унифасиальный тип) инвентарь западно-сибирского мезалита обнаруживает генетическое сходство с культурами Урала, Енисея, Алтая, Ангары и Байкала, а также Средней Азии, что позволило исследователям выделить все эти памятники в локальную культурную традицию или линию развития и обосновать появление в мезолите на Урале значительных групп населения из арало-каспийского региона и постепенное их распространение на север в равнины Обь-Иртышья [Чернецов 1968: 38]. Топография верхнепалеолитических стоянок позволяет предположить, что основными путями продвижения этого населения в Западную Сибирь были долины рек Урала, Тобола, Тургая и Ишима.

Именно в мезолите в речном и озерном ландшафте начинает складываться комплексный охотничье-рыболовческий тип хозяйства: на берегах водоемов возникают стационарные сезонные поселения. По

мнению исследователей, к этому периоду восходит и возникновение коллективной охоты на диких копытных на речных переправах, обеспечивавшей людей достаточным количеством пищи, что помогло им выживать в суровом сибирском климате, интенсивно развивается рыболовство, т.е. человек прочно связывает всю сферу своей жизни с водой — рекой и озером.

Эпоха неолита, ознаменовавшаяся такими достижениями человечества, как изобретение лука, лодки, лыж, нарт, освоение керамического производства, усовершенствование каменной индустрии, возникновение производящих форм хозяйственной деятельности, по праву получившая в науке определение «неолитической революции», явилась периодом окончательного освоения человеком пространства Северной Азии. К эпохе неолита относится и окончательное формирование в Сибири хозяйственно-культурных типов присваивающей экономики, процесс сложения которых всецело зависел от естественно-природной среды, и ведущую роль играли в них реки и озера. При этом в значительной степени сказались различия в характере рек, рельефа местности и состава почв Западной и Восточной областей Сибири. Равнинность Западной Сибири, спокойное течение ее рек, широкие речные поймы, их протяженность сквозь различные природные зоны — все это благоприятствовало, особенно в эпоху неолита и бронзы, не только становлению разнообразных форм хозяйственно деятельности, но и более интенсивному развитию экономических и культурных связей населения разных природно-климатических зон — от тундры до степей Казахстана, раскрывало широкие возможности миграции значительных масс населения, усиливая темпы протекания этнокультурных и этногенетических процессов. Природно-географические условия Восточной Сибири были менее благоприятными. Горно-таежный ландшафт большей части ее территории, расположение основных низменностей в высоких широтах и горный характер рек — все это способствовало консервации культурных традиций, замедленному развитию этнокультурного взаимодействия и определенной стагнации этногенетических процессов.

В Западной Сибири ХКТ оседлых рыболовов складывается в эпоху энеолита (атлантического оптимума) в районах проточных и полупроточных озер, где развивается, главным образом, запорное рыболовство. Одним из таких районов было нижнее Притоболье с огромной системой небольших озер, питающихся горными реками Зауралья. Все поселения этого периода располагались на приустьевых мысах впадающих в озера рек и на озерных протоках. Запорное рыболовство сводилось к тому, что весной в половодье в озера из рек заходило много рыбы, после чего устья рек и проток загоразивались. Массовый лов рыбы начинался осенью у загородей, когда рыба

стремилась покинуть озера в связи с понижением уровня воды и попадала в поставленные здесь ловушки типа концов и вершей. Этот способ позволял при достаточно низком технологическом развитии промысловых орудий заготавливать значительные запасы продовольствия, что обеспечивало рост численности населения. Начавшиеся с эпохи бронзы похолодание и повышение сухости климата (бореальный период), а вместе с этим усыхание водоемов и образование широких речных пойм, пригодных для примитивного земледелия, привели к изменению ХКТ в нижнем Притоболье, население которого перешло к земледельческо-пастушескому хозяйству. Правда, значительную роль в этом процессе сыграл приток из южных районов андроновского населения с развитым пастушеско-земледельческим укладом, которое двинулось на север в связи с сильным пересыханием многочисленных водоемов в степях и расширением пустынь [Косарев 1991: 67–69].

В то же время в эпоху бронзы часть рыболовческого населения из районов лесостепи и южной тайги продвигается далеко на север, заселяя низовья Оби, и в устья ее больших притоков, где возникает ХКТ оседлых рыболовов. Важную роль в его становлении сыграло прогрессивное развитие орудий труда — изобретение сетей и ловушек калданного типа, что позволило освоить рыболовам крупные реки [Косарев 1987б: 270]. Этот ХКТ без особых изменений сохранялся в регионе до этнографической реальности. Топография поселений эпохи бронзы свидетельствует о том, что человек и в этот период, как, впрочем, на протяжении всех дальнейших эпох, предпочитал селиться на средних и малых реках и излюбленным местом оставался приустьевый мыс.

Охотничье-рыболовческий ХКТ является одним из наиболее распространенных традиционных хозяйственных укладов населения Сибири. Он складывается на всем таежном пространстве Сибири в эпоху неолита. Этот ХКТ определяет подвижный образ жизни и сезонный характер поселений. Особый интерес для нашей темы представляет характер и топография поселений. Все они располагаются по берегам озер и рек, но поселения с более мощным культурным слоем оказываются в устьях рек, стоянки с тонким культурным слоем — ближе к истокам рек. Первые характеризуются большим количеством останков ихтиофауны и костей птиц, вторые — наличием костей крупных копытных животных [Косарев 1991: 64]. Это дает основание достаточно точно реконструировать образ жизни охотников и рыболовов тайги, хорошо дополняемый этнографическими материалами. С весны до осени хозяйственные коллективы проживали в устьях рек, занимаясь главным образом рыболовством и охотой на линную птицу, с приближением зимы население передвигалось в глубь тайги, переходя к охотничьему промыслу. Таким обра-

зом, сезонное движение шло вдоль берегов рек, поэтому бассейны отдельных или близлежащих рек становились территориями этнической консолидации и формирования как этносов, так и субэтнических подразделений внутри них. Это подтверждается тем, что практически все культуры эпохи неолита и бронзы приурочены именно к бассейнам конкретных рек или междуречьям больших рек, притоки которых близко подходят друг к другу своими истоками.

Особо следует выделить охоту на оленей в тундровой зоне в эпоху неолита и бронзы. Сезонные миграции больших оленьих стад определили здесь особый вид охотничьего промысла — поколка оленей на переправе через реки. Охота на плаву давала возможность сравнительно легкой добычи большого количества мяса, что, в свою очередь, позволило человеку обосноваться в высоких северных широтах. Особое значение имела осенняя поколка, обеспечивавшая питанием на долгий зимний период [Симченко 1976: 90–91]. Открытые в тундровой зоне стоянки эпохи неолита, бронзы и раннего железного века в основном расположены на берегах крупных рек, в местах переправ северного оленя по пути миграций [Хлобыстин 1982: 27–28]. Этот вид охоты имел важнейшее значение в жизни населения высоких широт до начала XX в. Более того, возникновение достаточно специализированного направления промысловой деятельности в тундре обусловило развитие обменных отношений с оседлым рыболовческим населением низовья больших рек, например в Западной Сибири, и, следовательно, усиливало интенсивность этнокультурных контактов.

Заметим, что и становление ХКТ охотников на морского зверя также стимулировало этнокультурное взаимодействие населения побережья Тихого океана с охотничье-рыболовческим населением континентальных районов, занимающим бассейны Амгуэна, Анадыря, Колымы [Диков 1964: 28].

Эпоха бронзы ознаменовалась становлением в степной и лесостепной зонах Западной Сибири многоотраслевого хозяйства с производящими видами деятельности — пастушеским скотоводством и поименным земледелием. Возникновение этих форм было обусловлено изменением климата — переходом от атлантического оптимума к суббореальному. Усиливавшееся усыхание водоемов, с одной стороны, резко ухудшило условия для рыболовческого промысла, с другой — открыло плодородные, главным образом речные, поймы, единственно пригодные для примитивного земледелия. Причем продолжавшееся повышение сухости климата сгоняло людей с освоенных пойм малых рек, заставляя их перебираться в поймы крупных рек, тем самым расширяя масштабы хозяйственной деятельности, а следовательно, увеличивая и хозяйственные коллективы, и этнокультурные контакты. Здесь же сосредоточивались стада копытных

животных и сохранялась в реках рыба [Жосарев 1991: 35–36]. Все это не только способствовало развитию многоотраслевого хозяйства с земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством, но и особенно тесно связывало человека с речным ландшафтом. Возникновение на юге производящей экономики и сохранение на севере присваивающей вызвали все более расширяющийся обмен между населением этих хозяйственно-культурных областей, что усиливало процессы уже этногенетического характера. Тем более что все ХКТ были прочно привязаны к речным магистралям, соединяющим степь и лесостепь с тайгой и тундрой. Последнее хорошо подтверждается резко возрастающим количеством археологических культур и значительно более быстрой по сравнению с неолитом сменой одной культуры другой, за чем, безусловно, стояли процессы этнокультурного и этногенетического характера.

Более того, на протяжении времени ареал распространения того или иного ХКТ смещался то с севера на юг, то в обратном направлении, что определялось климатическими колебаниями, главным образом, повышением или понижением увлажненности. Здесь следует уточнить, что эти колебания прежде всего сказывались на режиме водных пространств, поэтому зависимость пульсации ХКТ была непосредственно связана с поведением рек и озер. Так, например, при усыхании климата уровень воды в реках и озерах понижался, что приводило к расширению пространства речных пойм в южно-таежной зоне, и население лесостепной зоны с пастушеско-скотоводческим хозяйственным укладом, целиком связанным с этим ландшафтом, начинало постепенно продвигаться на север; при увлажнении климата поймы рек затоплялись, и это население вынуждено было уходить на юг в степные районы [Жосарев 1991: 78]. Изменение водного режима рек в значительной степени влияло на передвижение населения и внутри одной природно-климатической зоны. В тайге обмеление рек вынуждало население покидать малые реки и речки и перебираться на берега больших рек, с повышением уровня воды население постепенно двигалось в обратном направлении. При этом в каждом из природно-климатических поясов уровень воды в водоемах и прежде всего в реках по-разному оказывал влияние на усиление того или иного направления хозяйственной деятельности внутри ХКТ. Например, поднятие уровня воды в реках лесостепи и степи приводило к сокращению пойменного земледелия и увеличению роли охоты и рыболовства, в таежной зоне, особенно в заболоченных районах, — к сокращению охотничьих угодий и, следовательно, к сильному возрастанию доли рыболовства. Усыхание водоемов, наоборот, на юге увеличивало размеры земледелия и сокращало охоту и рыболовство, на севере в таежных районах приводило к сокращению заболоченных мест, что вызывало возрастание доли

охоты в хозяйственной деятельности и сокращению рыболовства [Косарев 1991: 36]. Эта пульсация в развитии хозяйственной деятельности постоянно стимулировала обмен между населением различных природно-климатических областей и приводила к возрастанию интенсивности этнокультурного взаимодействия, что влекло за собой более широкое развитие этногенетических процессов.

Таким образом, река в истории Сибири являлась не только главным средством существования, но и основным культуро- и этнообразующим началом, сыгравшим важнейшую роль в освоении человеком Северной Азии. Она представляла собой не только источник жизнеобеспечения, но и центр обитаемой территории и основную «дорогу» при продвижении человека в новые земли. Однако процесс освоения человеком любых областей земного шара включал в себя не только становление и развитие экономики, являвшейся основой жизнеобеспечения, но и духовное освоение окружающего пространства, обеспечившее глубинную взаимосвязь человека с Природой, воплощение которой в различных видах деятельности и составляет культуру. Именно поэтому река явилась важнейшим элементом мировоззренческих систем различных народов Сибири, играя одну из главных ролей в становлении и развитии космогонических и космологических представлений, изобразительного искусства, языка, фольклора и в целом всей духовной культуры коренного населения этого региона.

Отметим, что традиционное мировоззрение сибирских народов, воплотившееся в мифах, преданиях, сказках и других формах фольклора и известное нам по материалам XIX–XX вв., прошло длительный и сложный путь развития, на протяжении которого многие архаические элементы этой системы дошли до нашего времени часто во фрагментарных формах. Так, например, большинство мифологических сюжетов не представляют собой цельных текстов, но их отдельные элементы вплетены в различные жанры фольклора, что дает возможность на основе сравнительно-типологического анализа в общих чертах восстановить основное содержание образа реки в архаических мировоззренческих системах, формирование которых восходит к эпохам освоения человеком Северной Азии. Однако сразу же следует уточнить, что образ реки наиболее ярко и отчетливо прослеживается в традиции народов таежной зоны Сибири, особенно западно-сибирской низменности, где жизнь человека была наиболее тесно связана с речным ландшафтом. По мере отступления от тайги в зону тундры и южных степей образ реки в мифологических сюжетах постепенно угасает. Особенно это заметно в мировоззренческой традиции кочевников-скотоводов, где образ реки сливается с образом источника, т.е. доминантным становится идея воды как источника жизни. И, видимо, это неслучай-

но. Возникновение кочевого скотоводства в степях Евразии в корне изменило характер передвижения. Освоение коня под верховую езду открыло человеку огромные пространства и возможность двигаться в любом направлении в пределах степного ландшафта. И, хотя сезонные маршруты перекочевок иногда проходили вдоль рек, особенно тех, русла которых имели меридиональное направление, основная система кочевания строилась на расположении летних пастбищах у рек и озер, зимних — в полупустынях и пустынях, где источником воды являлся снег [Журылев 1998: 91 и послед.]. Таким образом, река как единственно возможный путь передвижения теряет свое значение. В хозяйственной деятельности кочевников она становится, главным образом, источником воды, так необходимой для жизни людей и животных в летнее время и для сохранения пастбищных угодий. Возможно, именно поэтому в мифологической традиции кочевников река лишь в латентной форме сохраняла символизм Мировой реки/Мировой оси, а на первый план в ее символизме выходили все семантические смыслы водной стихии (подробнее об этом см. статьи Дьяконовой, Соломатиной, Тадиной в настоящем сборнике). В фольклорной же традиции степных скотоводов река ассоциируется с привольным летним периодом жизни и утверждается как символ родного дома, родных кочевий и родины в целом. Таковы, например, реки Онон и Керулен в хрониках и преданиях монголов. Вот как в «Сокровенном сказании» описывается детство Чингисхана: «А обетом себе поставили [Чингисхан и его братья. — Л.Л.] — мать кормить. / На крутом берегу матушки Онон-реки / Вместе усядутся, друг для друга кручья ладят, / На кручья рыбешку негожую притравливают, / Ленков да хайрюзов выуживают, / Невода ли сплетут, плотву неводят, / С сыновней любовью матушку напитают» [Сокровенное сказание 1990: 24]. Здесь река выступает как матушка-кормилица, что, возможно, восходит к образно-семантическому значению реки в культурной традиции древнейших обществ, но в то же время рыбная ловля в этом отрывке отражает не важнейший способ жизнедеятельности, что могло бы быть характерным для охотничье-рыболовческого ХКТ, а создает образ обездоленности семьи, лишившейся главного своего богатства — скота.

В устном народном творчестве оленеводов тундры образ реки более полно сохраняет в себе мифические черты, в которых явно выступают ее основные космологические функции. Видимо, это объясняется и большей архаичностью мировоззренческой системы оленеводческого населения Крайнего Севера, и сохранением значения реки как транспортного пути в хозяйственной жизни, связанной и с охотой на путях миграции дикого оленя, и с обменными отношениями с оседлыми рыбаками низовий больших рек.

В мифах, преданиях, героических сказаниях и сказках народов таежной зоны Сибири и Дальнего Востока река выступает как важнейший элемент модели мира, организуя вокруг себя весь Космос.

Один из наиболее архаичных сюжетов, связанных с рекой, представлен в космогоническом мифе туруханских эвенков. В нем говорится: «Много-много было кругом воды, маленько было сухой земли. Негде было жить человеку, негде было пастись оленям. Горевал об этом человек. Подошел к нему мамонт и спросил: “Отчего ты такой невеселый”». Человек объяснил, что ему негде кочевать, и мамонт решает помочь человеку. Он оставляет его на маленькой земле и отправляется искать змея. «Нашел мамонт за водой на песке змея. “Пойдем, Чжябдар, со мной сушить землю. У меня сила, у тебя гибкость”. <...>. Забрел мамонт в воду, засадил в дно крепкие бивни и стал выворачивать со дна песок, глину и камни. Росли из них по сторонам равнины, горы, утесы. Ползал, завилеяя, за мамонтом Чжябдар, вился между равнин, гор и утесов, и потекла по его следу вода <...> Чжябдар протер своим телом дорогу для рек» [Материалы... 1936: 280]. Оба персонажа этого космогонического мифа необычайно архаичны. Образ мамонта широко представлен в палеолитическом искусстве на широкой территории Западной и Восточной Европы. В эпоху средневековья он является персонажем народных преданий финнов, эстов, русских и, видимо, многих народов Сибири, так как в мифо-поэтических текстах последних он доживает до XX в. Большинство известных нам мифов и преданий о мамонте на территории как Западной, так и Восточной Сибири изображают его как фантастическое животное, живущее под землей или в воде. Образ его в различных мифологических традициях обретает свою форму: то он предстает в виде земляного быка, то водяного быка или огромной рыбы, но всегда с огромными рогами, за которые, видимо, люди принимали бивни мамонта, находимые в земле. Землетрясения, наводнения, бурное вскрытие весной льда — все является, по воззрениям народов севера Сибири, результатом движения мамонта под землей [Иванов 1949: 35–139]. Следовательно, в представлениях народов севера Сибири мамонт олицетворяет стихии земли и воды, но в то же время выступает и в качестве демиурга. Можно полагать, что в эвенкийском мифе участие мамонта в сотворении земли выявляет в его семантике наиболее древний пласт.

Образ змеи известен в мифологиях практически всех народов мира. С ним связаны идеи плодородия земли, женской производящей силы и, естественно, живительной силы воды и дождя, хотя змея олицетворяла также домашний очаг, огонь и оплодотворяющее мужское начало, т.е. образ этот являлся воплощением двух противоположных стихий — воды и огня [Иванов 1987: 468]. В приве-

денном выше эвенкийском мифе змея участвует совместно с мамонтом в космогоническом акте, причем в общем символическом контексте этого мифа доминирует ее связь с водной стихией. Особенно важным представляется тот факт, что река как результат божественного творения противопоставляется мировому океану (хаосу), из которого двумя демиургами была сотворена земля со всеми главными элементами ландшафта. Особое значение собственно реки отмечается в мифе ее персональным творением змеем. Более того, здесь удивительно точно передана полифункциональная семантика воды. Она составляет мировой океан и несет в этом смысле идею хаоса, предшествующего акту творения, но, втекая в русла, «протертые» змеем на поверхности земли, обретает форму, становится рекой, т.е. получает упорядоченность, превращаясь в элемент космоса.

Если образ мамонта в данном космогоническом мифе не находит аналогов в традициях других регионов мира, то змей как один из первых творцов Вселенной известен во многих архаических традициях.

Первичность реки как основного элемента сакральной топографии отражена и в другом эвенкийском мифе, в котором повествуется о том, что верховный бог Ховоки создал землю и населил ее великанами. Сначала они жили мирно, но потом стали враждовать, что разгневало творца, и он «решил убрать их с земли. Одних превратил в камень-утес, других сделал рекою, озером, болотом, а тех, кто ходил к нему на небо, оставил там, превратив в звезды» [Материалы... 1936: 272]. Этот космогонический сюжет удивительным образом совпадает с древнеиндийским мифом о Пуруши — первочеловеке, из которого был сотворен мир [Ригведа, X: 90]. В этом мифе эвенков так же, как и в предыдущем сюжете, река создается в числе первых элементов (после камня-утеса, т.е. горы) космоса, как бы организующих его пространство. Превратившись в горы и реки, мифические великаны, по представлениям, например, северо-байкальских эвенков, стали kalul — духами-хозяевами этих важнейших элементов сакрального ландшафта и основными персонажами большинства героических сказаний, темой которых является постоянная борьба богатырей с kalul'ами [Материалы... 1936: 162].

Первичность реки как космического элемента свойственна и мифологической традиции нганасан. В мифе о сотворении земли (космоса) повествуется: «Сперва эта земля сплошь водой была покрыта. Потом вода немного спала, из нее стала торчать вершина шайтанского хребта Койка-моу. На это место откуда-то два человека упали. Смотрят кругом: везде только вода. Один из этих людей говорит: “Родим людей здесь. Пусть эта вода спадет. Пойдем к нашему отцу и скажем: “Надо на земле людей родить”. Ушли они или, может быть, улетели. Потом опять пришли. Большой воды уже не стало, только озера и реки остались. “Эта вода пусть останется. В ней

рыбу добывать будут”» [Сказки и исторические предания нганасан... 1976: 49]. В этом мифе сам космогонический акт подробно не раскрывается, хотя все указывает именно на участие в нем верховного бога-творца. Для нас важно, что при первотворении акцентируются гора, река и озеро, т.е. те элементы ландшафта, которые в сакральной традиции фактически и конструировали космос.

Первичность реки в акте творения наряду с горой наиболее полно раскрывает архетипичность этого образа и ту моделирующую функцию, которую он выполняет в космологии народов Северной Азии. Наиболее ярко и выразительно река как Мировая ось, организующая все пространство Вселенной, и как сама Вселенная проявляется в мифологических представлениях угров Западной Сибири.

В космологических мифах хантов и манси река предстает как космический путь, соединяющий все три мира Вселенной и пролегающий через ее центр. Образ космической реки в наиболее характерной форме проявляется в мифе «о небесной охоте» у хантов. В нем верховный бог Торум указывает своему младшему сыну Мир-суснехуму (За миром наблюдающий человек), где следует искать шестиногого лося/солнце: «На берегу священной реки, что в середине мира, есть озеро без деревьев в округе, без трав на берегу. Спустись туда!». Мир-суснехум убивает лося, а шкуру его прикрепляет к небу, повелевая ей «обозначать зарю» [Мифы и предания хантов и манси 1990: 68–69]. Космологическая функция реки передается здесь через более раскрытый образ Центра мира, где его трансцендентальность и сакральная чистота определяются отсутствием деревьев и трав, в чем достаточно отчетливо проступает идея космической пустоты как высшей реальности, свойственная развитым мифологическим системам Древнего Востока. Интересна также такая семантическая характеристика Центра мира, как сочетание двух состояний воды, находящейся в состоянии движения (река) и в состоянии покоя (озеро). Я отнюдь не собираюсь абсолютизировать роль ландшафта и специфики хозяйственной деятельности в становлении и развитии образной системы мифологических представлений, но сочетание реки и озера, присутствующее в данном сюжете, невольно заставляет вспомнить о реальном пространстве, в котором протекала жизнь древних рыболовов и охотников Западной Сибири и которое, несомненно, оказало влияние на формирование модели мира, сохранившейся в культуре хантов и манси до начала XX в. Следует отметить, что этот миф представляет собой один из редких примеров в мифологии угров Сибири, в котором космическая река безымянна и не соотносится с главной рекой территории их расселения — Обью, что свидетельствует о его глубокой архаичности. В подавляющем же большинстве мифов и преданий хантов и манси в образе космической реки выступает реальная Обь, которая вбирает в себя все сак-

ральные смыслы, присущие Мировой реке/Мировой оси, соединяющей три мира Вселенной и протекающей через ее священный центр.

Река связывается с сакральным центром Вселенной и в мифологии эвенков. В мифе о первом человеке, т.е. о сакральном времени начала начал, говорится: «На средней земле, на самой середине / На острове одной реки / На средней земле Умусниндян жил» [Материалы... 1936: 115]. Образ Мировой реки/Мировой оси становится понятным в этом сюжете не только потому, что подчеркивается ее срединное положение, но и всем последующим содержанием мифа — герой отправляется по ней в иные миры. Основной путь его лежит в нижний мир («вниз поплыл»), где Умусниндян встречается с божеествами и где с ним происходят различные события, суть которых однозначно указывает на обряды инициации. Не останавливаясь здесь на анализе его «приключений», так как этот сюжет не входит в задачу нашей работы, добавим, что в иной мир герой отправляется на волшебной золотой лодке, в которую превращается брошенное им вверх золотое кольцо. Таким образом, пространственная структура Вселенной, ее символический вектор (верх-низ), подчеркивается и уточняется не только прямым указанием вверх или вниз плывет по реке герой, но и характером материала, из которого сделаны различные объекты этих миров. Золотую лодку герой получает с неба, т.е. в мифе верхний мир дополнительно акцентируется золотом, что характерно в целом для всех архаических традиций. Нижний мир определен не только тем, что Умусниндян спускается вниз по реке, но и опять же видом металла — духи нижнего мира в образе двух красивых девушек отводят героя в железный дом, стоящий на берегу реки. «Умусниндян осмотрелся хорошо, человеческие кости рассыпаны, люди в каждом углу стонут. Умуснинден, обратно побегав, восемь двойных железных дверей сломал, потом убежал дальше». Отметим, что железный дом и различные железные предметы, акцентирующие нижний мир, являются непременными атрибутами всех инициатических сюжетов и известны в фольклоре большинства сибирских народов.

Мы видим, что так же, как в мифах хантов и манси, в эвенкийской традиции верхний и нижний миры Вселенной, соединяемые священной рекой, протекающей через их центр, обязательно уточняются другими символическими кодами — металлическими, животным, цветовым и т.п., но объекты, выраженные этими кодами, всегда привязаны к реке (лодка, дом на берегу и т.д.). Так, среди животных образов в космологических сюжетах, в которых центральным элементом сакрального пространства всегда выступает река, основными являются птица (часто водоплавающая) и рыба. В этом плане необычайно характерен текст шаманского камлания эвенков по поводу проводов души умершего в загробный мир: «В полночную сторону прово-

жая душу, / Ночная птица на границе перенося, / в полночную сторону провозая в длинную ночь, / душу в самой середине (главной шаманской) реки во рту пронесите! / В волнах реки сбрасывайте рога, быки! / Потом дальше пусть щука понесет!» [Материалы... 1936: 140]. Здесь путь в нижний мир не только четко определяется самой рекой, но и подчеркивается, что он проходит по середине реки, т.е. при общей направленности течения в полночную сторону (вниз), вносится акцент «середины» — священного центра Вселенной, через который проходит Мировая ось/Мировая река/Сакральный путь (подробнее см. статью Н.В. Ермоловой в настоящем сборнике). Забегая вперед, скажем несколько слов о фразе из приведенного выше текста — «В волнах реки сбрасывайте рога, быки!». Семантика созданного здесь образа становится более понятной при сравнении с текстом одного из мифов хантов, где рассказывается о походе богатырей за невестой, отданной ненцам, земля которых в тексте мифа ассоциируется с нижним миром. Естественно, что в путь богатыри отправляются по мифической Оби: «Ехали, ехали и доехали до катящей гальку каменистой Обь; через нее плотно сооружена плотина из мамонтов и юров [мифические животные с огромными рогами, живущие под водой или землей. — Л.П.]. <...> Они вошли в семибездную священную воду и начали махать мечом. Куски мамонтов и юров стало относить течением. Они пробили плотину из мамонтов и юров, сели в лодки и начали грести» [Мифы, предания, сказки хантов и манси 1990: 157]. Здесь мы видим, что мировая река перегорожена плотинной из мифических животных. У многих сибирских народов в мифологических сюжетах, относящихся к «путешествию» в нижний или загробный мир, присутствует образ моста (в данном случае плотины), перекинутого через реку и соединяющего ее берега. Образ этот очень устойчивый в сакральной топографии космоса и связан с семантикой реки как границы между мирами, о чем более подробно будет сказано дальше. Мост этот всегда необычен, он так же сакрален, как и другие элементы космоса, и часто предстает в виде священных животных или их частей. Так, например, у народов Южной Сибири мост через реку жизни и смерти сделан из конского волоса, пройти по нему может только шаман, но и для него это большое испытание. В мифологии нганасан берега священной реки соединяются ледяным мостом. В мифе о путешествии героя в нижний мир имеется следующий сюжет: «Доехали до воды. Высокие яры над ней. Несмотря на зиму, вода талая. Волны хлещут до вершины яра. Через воду ледяной мост шириной с санку» [Мифологические сказки и исторические предания нганасан 1976: 151]. Фразу «В волнах реки сбрасывайте рога, быки!» из эвенкийского мифа можно трактовать как просьбу шамана к духам-хозяевам священной реки построить мост из своих рогов, по которому шаман перенесет душу умершего на другой берег, в мир мертвых.

Образ моста, сотканного из дыма или тумана присутствует в мифологии ненцев, связан он с верхним миром. В шаманской песне, воспроизводящей путешествие шамана к верховному богу творцу, описывается мост, возникший из дыма на пути шамана в верхнюю землю [Хомич 1976: 23]. Мотив реки не присутствует в этом сюжете, но акцентируется присутствием самого моста. Этот текст подводит нас к одной из особенностей семантики мировой реки, а именно — ее тройственности: протекая через все три мира Вселенной, священная река совмещает в себе три образа — реки верхнего мира, реки среднего мира и реки мира нижнего.

Так, в мифологии хантов и манси космическая Обь воплощается в образе трех священных рек — небесной, земной и подземной, каждая из которых несет в себе черты единой мировой реки. Река течет в нижнем мире, куда культурный герой, сын творца Тарыг-пещ-ни-маля-сов (он же Мир-сусне-хум), проникает через отверстие в скале, которое символизирует сакральный центр мира — точку, в которой начинается путь во все сферы Вселенной. « На том месте, — говорится в мифе, — где небо свисает, скала с дырой обтянута семикратным железным перевесом (рыболовная сеть. — Л.П.)» [Мифы, предания 1990: 270]. Вход в нижний мир стерегут старик со старухой, хозяева железной сети, которые хотят убить героя. Но он сначала превращается в железного ястреба и прорывается через сеть, падает в священные воды нижней реки, превращаясь в железную щуку. Священная река проходит и через средний мир, и этот ее отрезок является началом пути мифических богатырей в другие сферы вселенной. Она существует и в небесном мире и тогда называется «священной семибездной» рекой, дублируя этим эпитетом «семибездное небо» [Мифы и предания хантов и манси 1990: 157]. В противоположность темным, холодным водам реки нижнего мира небесная Обь описывается совершенно иначе. Ее образ наиболее ярко выражен в «Священном сказании о Желанном богатыре», где описывается приход небесных божеств на среднюю землю: «К дорогому верхнему течению по беловодной питающей Оби, где поднимается рыба, по беловодной многорыбной Оби, с криком “тен-тен”. С кригом “гал-гал” они прилетели к восхваленной земле <...>». [Мифы, предания 1990: 124].

Река нижнего мира особенно часто фигурирует в шаманских текстах. В нганасанском мифе «Воскрешение девушки» молодой шаман отправляется за ее душой в нижний мир вслед за старым шаманом и в состоянии экстаза повествует собравшимся на камлание людям о том, что видит: «Пришел я в нижнюю землю. Большая, очень быстрая река сейчас передо мной. Старик шаман стоит перед этой рекой на берегу, не может через нее перейти. Я бросился в воду и перешел на другую сторону реки <...> [затем реку пытается пе-

рейти старый шаман. — *Л.П.*] Вошел старик в реку, но не удержали его вараги [духи-помощники. — *Л.П.*] над водой, и насилу он выбрался обратно. Теперь он говорит мне: “Иди ты дальше один, не хватает у меня силы. Буду я теперь здесь дожидаться”» [Сказки и предания иганасан: 93]. Здесь также на первый план выступает символическая функция реки как границы, она разделяет в этом сюжете различные по своим свойствам пространства нижнего мира. Перебираясь через реку, молодой шаман попадает к жилищу хозяев нижнего мира, т.е. в сакральный центр, к которому старый шаман из-за слабости своих духов-помощников приблизиться не может и который отгорожен от других территорий нижней земли священной рекой.

Необычайно выразителен образ реки нижнего мира (она же шаманская река) в предании эвенков «Хеладан». В нем рассказывается о том, что у одного старика было 5 дочерей. Однажды он пошел к реке напиться и бородой примерз ко льду. Он просит хозяина нижнего мира отпустить его, обещая взамен свою младшую дочь Хеладан. Он посылает девочку на лед якобы за игрушками, и лед уносит ее вниз по течению. По пути она трижды встречает на берегу старух, каждая из которых имеет один, два и три бубна, т.е. старухи представляют собой шаманских духов-предков. Последняя старуха объясняет девочке, что ее «лед несет в центр земли» и что ей ни в коем случае нельзя «оглядываться», точнее, смотреть в реку, вглубь. Лед же все время уговаривает девочку посмотреть в воду: «Лед запел: “Хеладан, Хеладан, / оглянись, оглянись / вниз, камень для растирания, камень виднеется”. “Не стану оглядываться, / лбы людские камнем кажутся”. “Хеладан, Хеладан, / оглянись, оглянись / вниз, брусочки (точила), / брусочки виднеются.” “Не стану оглядываться, / голени мертвецов / брусочками кажутся.” <...>» [Материалы... 1936: 38–39]. Далее из текста следует, что на дне реки находятся кости мертвецов, их кровь и кал. Девочка ни разу не посмотрела вниз и благополучно убежала со льда на берег.

Образ реки как дороги в нижний мир, в мир смерти широко представлен в мифопоэтической традиции народов Сибири, что ярко отражается в архаичных традиционных формах погребального обряда (подробнее смотри статью Е.Г. Федоровой в настоящем сборнике). Для угров, например, было характерно захоронение на берегу реки под перевернутой лодкой, которое достаточно подробно описывается в фольклорных текстах. Так, в сюжете о «Мнимоумершем племяннике» рассказывается: «Живут тетя с племянником. Долго ли коротко жили, наступил день, племянник говорит тете: “Теперь я умру. Увези меня на кладбище. Дай мне с собой мою сеть, дай мне с собой мой котел, дай мне с собой мой топор! Положи меня в мою лодку!”. Едва договорил он, как умер. Тетя нагрела воды, обмыла его, положила на

скамью. Три дня держала, на третий день повезла на кладбище. Привезла на кладбище в лодке, вынесла его на берег, положила под лодку. Поехала домой» [Мифы, предания 1990: 126]. В другом мифе тело убитой женщины прямо опускают в реку, и она уносит его в мир мертвых [Мифы, предания 1990: 327]. Возможно, здесь перед нами предстает один из наиболее архаичных обрядов погребения.

Как уже говорилось, образ священных рек трех миров постоянно усиливается в повествовании введением дополнительных символических кодов — животного, металлического, цифрового, цветового. Так, в мифах хантов и манси в реке нижнего мира герой действует в образе железной щуки или железной гагары, в верхнем мире он одевает шкурку золотого гуся, и только в ней он может вернуться на землю. Постоянно используется при описании мировой реки и цифровой код с наиболее сакральным для многих архаических систем числом семь — «семибездная», «семь изгибов, семь плесов, семь мысов» священной Оби [Мифы и предания хантов и манси 1990: 141]. Цифровой код наиболее наглядно выражает идею тождества мировой реки и вселенной, которая в мифологии многих народов состоит из нескольких верхних и нижних миров — семи или девяти.

Исток мировой реки находится на юге и семантически дублирует верхний небесный мир, а устье — на севере и равнозначно нижнему миру, т.е. в мировоззрении народов Сибири горизонтальная и вертикальная модели мира находились в состоянии постоянной взаимозаменяемости. Так, у хантов и манси священная Обь берет начало в мифической стране Мортим-ма, которая располагается как бы одновременно и на юге, и в верхнем мире. Исток реки имеет хозяев, старика и старуху, которые являются божествами-хозяевами перелетных птиц. Именно они посылают их весной в средний мир людям. Сюда сын верховного божества Торума отправляется сватать дочь хозяев истока. Старуха встречает героя и угощает его дичью, а косточки птиц бросает в озеро с живой водой, и птицы возрождаются вновь. Тарыг-пещ-нималья-сов сватается к дочери старухи, и та советует ему выпросить у матери золотые шкуры гуся и лебедя. Они одевают их и через отверстие в скале попадают в средний мир [Мифы, предания 1990: 271].

Устье священной Оби впадает в Северное море — в нижний мир, царство холода, мрака и смерти. Вот как описывается в мифе вторжение обитателей этого нижнего мира на землю людей: «Из залива Северного моря, из края Северного темного священного моря, темноводного благословенного моря выплыло множество лодок с берестяными бортами; с громом едут по шести обским городам, по семи обским городам. У кого хорошая дочь — того покидает хорошая дочь, у кого хороший сын — того покидает хороший сын. С каждой зарей все ближе они, с каждым закатом все ближе они. <...> У кого

маленькая дочь — его маленькую дочь стреляют, у кого маленькие сын — его маленького сына стреляют стрелами величиной с чешую сырка» [Мифы, предания 1990: 106]. Души убитых увозят на лодках вниз по реке в мир мертвых. Таким образом, течение мировой реки точно совпадает с направлением юг—север, которое и определяет основной вектор горизонтальной модели мира.

У нганасан также исток и устье реки определяют и стороны света, и миры Вселенной. Верхний мир находится на юге, у истока реки, и обозначается в мифологических сюжетах как «сторона солнца», нижний мир — мир холода и смерти — расположен на севере и ассоциируется с тундрой. В мифе «В земле мертвецов» два шамана отправляются за душой больной девушки в нижний мир. Едут они туда по ледяной дороге, которой, по сути, является замерзшая река. «Теперь оба старика пошли, взяв с собой свои хорей, по большой дороге прямо в тундру. Так теперь ушли. День шли и увидели впереди себя много чумов. Это была земля всех умерших людей». Далее шаманы забирают душу девушки из мира мертвых. В мифе это событие отражено особой мифопоэтической формулой: «Сперва-то в тундру у нее санки глядели. Теперь мы их сюда поворотили, в сторону солнца <...>». Эта же формула обозначает возвращение и самих шаманов в мир людей: «Теперь младший старик все санки аргиша, одна за другой, повернул в сторону солнца. Потом набрал на земле щепок. Слово забор для неводьбы диких [оленей. — Л.П.] перед чумом и аргишем со стороны тундры сделал из них» [Мифологические сказки... 1976: 84]. То есть шаманы преградили дорогу душам умерших, закрыли для них выход из мира мертвых. Обычай этот известен у многих народов Сибири. Например, буряты, увозя покойника на кладбище в лес, по дороге устанавливают между двух деревьев поперечную палку, и вся процессия проходит через эти временные ворота. После похорон все люди снова проходят под поперечиной, а последний, обернувшись, сбивает ее палкой и таким образом «закрывает» дорогу душам умерших в мир живых.

У удэгейцев исток и устье реки напрямую связаны с восходом и заходом солнца. В мифологическом предании о двух братьях рассказывается о том, как мифическая железная птица нижнего мира похитила душу (съела сердце и печень) младшего брата, и старший отправился за душой брата по реке («пошел в сторону заходящего солнца»), а возвращается в «сторону восходящего солнца». Следовательно в космологии удэгейцев, как, впрочем, у многих народов Дальнего Востока, Мировая река протекала с востока на запад, а не с юга на север, как в традиционных культурах Западной и Восточной Сибири. В то же время исток и устье этой реки здесь традиционно обозначают два противоположных мира — света, добра, жизни и мрака и смерти. Так, например, по пути вниз герой удэгейского мифа встречает же-

лезную птицу и в поединке тяжело ранит ее, а преследуя, попадает в дом к ее отцу, старику Канда. Интересно, что старик, слыша, что кто-то приближается к его дому, говорит дочери: «Если убийца моего сына, то придет с низовья [реки. — Л.Л.], если хороший человек, то придет с верховья» [Фольклор удэгейцев 1998: 132–133]. Возможно, смещение вектора Мировой реки в удэгейском сюжете связано с солнечным мифом, характерным для культур Дальнего Востока. Поэтому семантику севера принимала на себя частично западная сторона, а юга — восточная. По крайней мере, этот факт нельзя объяснить реальными географическими особенностями региона, где основная водная артерия — Амур, — объединяющая большинство народов Дальнего Востока, несет свои воды с запада на восток.

Характерной особенностью модели мира народов Сибири является впадение мировой реки в море или океан, которые воплощают область дальнюю область нижнего мира, предел Вселенной. Иногда эта область описывается в самых мрачных тонах. Так, у хантов бог-хозяин нижнего мира обитает «за черноводным священным морем, где рассвет как осенняя ночь, а на закате совсем темно». За морем, в представлениях манси, живет Северный ветер — Луи-вот-ойка: «Старик в низовой стороне за морем жил. День и ночь, не переставая, дул» [Мифы, предания 1990: 297]. Символика моря очень многоплановая. С одной стороны, это, безусловно, нижний мир, и это подтверждается его сравнением с устьем реки — «устье семи морей», «семь морей с одним устьем», т.е. существует представление о море как об огромной (мировой) реке, омывающей землю. А отсюда возникает и вся положительная семантика образа моря. У эвенков существует предание о двух братьях Мучуно и Беркольтуне, которых сестра опоила вином, положила в железный ящик и бросила в море. Проснувшись, братья «осмотрелись — в темноте; толкнулись — в воде живут. Узнали они, (что) в воде живут, запели: “Мать море, Коюловор имя твое. Наша могила в воде твоей. Вынеси волной! Вынеси! Коюловор вынеси!”». Море спасает братьев, выбрасывая ящик на берег [Материалы... 1936: 67–68].

С другой стороны, удаленность этого моря, его расположение на краю Вселенной придают ему смысл сакрального центра. В мифе манси сын верховного бога Торума странствует по миру в поисках невест. «Долго ли ехал, коротко ли ехал, однажды его конь спустился в середину моря. Оказывается, через воду ведет серебряная дверь, золотая дверь. Коня оставил там, сам зашел. Пришел вниз, там город водяного царя, серебряный город, золотой город» [Мифы, предания 1990: 258]. Семантика сакрального центра проявляется здесь не только в том, что вход в подводный (нижний) мир расположен в середине моря, но и в символическом значении металлов — золота и серебра, во многих культурных традициях мира символизирующих дневной и ночной миры, а в сочетании друг с другом вселенную в целом.

Образ моря как края Вселенной и в то же время ее сакрального центра в некоторых мифах олицетворяет и священное место, где живет солнце. Герой эвенкийского мифа Каптандыр отправляется искать хорошее место, где много зверя и дичи. «Долго он скитался по разным местам, пока не нашел море. Оно было без воды, в виде большой сухой ямы с песчаным дном; отправился он по морю и через долгое время дошел до богатого стойбища; в середине он увидел прекрасную дочь солнца». Далее текст повествует о том, что дочь солнца стережет восьмиголовый дракон, с которым Каптандыр вступает в поединок. Бой со змеем длится полгода. Каптандыр побеждает змея и рвет «на части громадное тело змея. Потекла кровь рекой и заполнила все море, кровь впоследствии стала водой» [Материалы... 1936: 271]. Здесь перед нами классический сюжет змеборства, который распространен во всей индоевропейской мифологической традиции. Его наиболее ранний вариант представлен в ведийской мифологии, когда земная вода (точнее, четыре земные реки) возникает в результате космогонического деяния Индры, убивающего дракона (змея) и высвобождающего из под первоначального холма воду и огонь (солнце) [Ригведа X 90]. В индоевропейской традиции змей (дракон) в этих сюжетах воплощает стихию огня, он обычно похищает (выпивает) воду и божество, или герой, убивая дракона, спасает людей и землю от засухи [Пропп 1986: 216–233]. В эвенкийском мифе эта линия опущена, о засухе ничего не говорится, но она достаточно четко проявляется в образе сухого моря, а освобождение воды воплощено в изображении разлившейся крови змея. Мы видим, что здесь, так же как в ведийском тексте, вода и огонь (кровь змея и солнце) объединены в единую композицию как две взаимоисключающие и взаимодополняющие стихии. Таким образом, в мифологии эвенков образ змея включает в себя все семантические смыслы, присущие ему в индоевропейской традиции: и водную стихию (миф о сотворении реки и происхождение воды из его крови), и стихию огня (его связь с солнцем и высушенное море).

Необычайно интересен в эвенкийском мифе и мотив «вода/кровь», более того, он присутствует и в мифологии других народов. В частности, в мифе хантов, повествующем о путешествии сына верховного бога Торума по различным мирам в поисках невесты. Одна из линий этого мифа посвящена поединку героя с мифическим богатырем ненцев. В бою сын Торума постепенно отрубает врагу все части тела, живой остается только голова. «Самоедская голова не может идти: как заденет за дерево, отскакивает назад. Она стала молить бога о речке, текущей женской и мужской кровью. И ей была дарована речка. Когда хантыйский богатырь собирался ударить голову мечом, она бросилась в речку, всплеснув воду. Хант стоит на берегу реки. Голова самоеда вышла у нижнего конца речного пле-

са на поверхность и сказала: “Если ты войдешь в воду, то ты, муж, живущий в светлом мире, войдешь на много-много лет. <...> Что же до меня, то пусть многочисленные мужи самоедской стороны принесут сюда пожертвованные мне чаши, жертвованные мне безбестяные сосуды, пусть сюда будут приведены в качестве кровавой жертвы хвостатые собаки, шерстистые собаки”» [Мифы, предания 1990: 152–153]. В этом контексте речка, текущая женской и мужской кровью, восходит к древнейшему космогоническому сюжету о сотворении мира из частей тела первочеловека (Пуруши) или мифического дракона (Тиамат) в индоиранской традиции, что подтверждается такими деталями хантыйского мифа, как последовательное рассечение тела ненецкого богатыря, части которого падают на землю, а также установлением обряда жертвоприношения на месте его гибели, т.е. на берегу реки и, видимо, самой реке. Таким образом, в мифах хантов представлен сюжет первожертвы в космогоническом акте, который прошел длительный путь развития и сохранился в варианте, в котором он уже вписан в более поздний многоплановый контекст. Сюжет этот столь интересен и дает столь огромный материал для дальнейшего исследования проблемы этно- и культурогенеза сибирских народов, что, безусловно, требует специального исследования.

Мировая река в мифопоэтической традиции народов Сибири несет в себе и символический образ границы между мирами Вселенной, о чем уже упоминалось выше. В основном она пролегает между миром живых и миром мертвых, между землей людей и землей духов, т.е. между освоенным пространством и диким. Именно с другой стороны реки, с другого берега появляются в поселениях людей обитатели мира духов. При этом особое символическое значение приобретает берег реки, в семантике которого концентрируется вся совокупность сакральных смыслов земли и воды. Берег реки сосредоточивает в себе образ сакрального центра Вселенной, здесь начинается путь в верхний мир и спуск в подземный, помещаются Мировое дерево и Мировая гора, пещера которой и является входом в нижний мир.

Конкретным воплощением этой основополагающей мировоззренческой идеи в мифологии народов Сибири является мыс реки, обязательно возвышающийся над ее водной гладью. Мыс космической реки представляет собой один из центральных элементов сакральной топографии, например, угров Сибири. Это священное место обитания небесных божеств, духов-хозяев местности, духов-предков и, естественно, основное место проведения обрядов, совершения жертвоприношения. Вот как описывается в «Священном сказании» о желанном богатыре Мир-Сусне-Хум начало его «правления» на средней земле, установления социального порядка: «Где-то на берегу беловодной питающей Оби, где рыба поднимается, беловодной многорыбной Оби

говорят о земле, обросшей обской травой, о земле, обросшей соровой муравой, назначен ему священный мыс <...>. Светлым отцом, имеющим в доме золотое дымовое отверстие, он назначен на священный мыс, где весенний глухарь роняет перо, где осенний глухарь роняет перо, чтобы нескончаемую кровавую жертву со стрелы принимать, нескончаемую кровавую жертву с лука принимать <...>. Своими большими, как солнце, священными глазами они (божества. — Л.П.) видят правду, на мыс, выходящий к сору, на мыс, выходящий к озеру, светлый отец, имеющий в доме золотое дымовое отверстие, спустил священную лиственницу с золотыми корнями, священную лиственницу с золотыми ветвями» [Мифы, предания 1990: 124].

Перед большим военным походом, который в контексте мифа несет в себе семантику путешествия в нижний мир, герой совершает на берегу реки или в центре города у ритуального столба (сакральный центр) большие жертвоприношения, «чтобы созвать туда лесных духов, живущих на сотнях возвышенных мысов, и от них просить силу для спины, и от них просить силу для живота» [Мифы и предания хантов и манси 1990: 142]. Жертвоприношения богам на мысу совершались хантами и манси во время любых бедствий: «Начался голод. А тогда был обычай: если нечего убивать, надо дать дар. На одном мысу на Тух-сиге (название реки. — Л.П.) старуха принесла в дар своего сына, убила и оставила на мысу под кедром, подарила его мысу <...>» [Мифы, предания 1990: 172].

Та же самая семантика присуща образу речного мыса в шаманской мифологии якутов. При камлании, на празднике Ысыах, посвященном летнему солнцестоянию и богине-матери, шаман начинает свою песню с обращения к духам мысов: «От важного места стоя, / запевая счастье и радость госпоже Ысыах, / говоря, что может быть шерстистыми ладонями, / распевая, подняв головы кверху, / в количестве семи, имея семь парней, / на левой стороне семь девушек, / пусть буду продолжать путь. / Духи мысов остантесь видевшими и слышавшими! / На той окраине, как я посмотрю, / духи мысов, имеющих вид девяти сидя воющих волков, / остантесь видевшими, остантесь слышавшими! / Всем вам большой поклон» [Попов 1949: 231]. Далее из текста шаманской песни становится ясным, что она отражает весь путь шамана в верхний небесный мир к богине Ысыах. Весь этот путь предстает перед нами как путь по реке, имеющей семь священных мысов, на каждом из которых шаман останавливается и обращается к их духам-хозяевам с просьбой о покровительстве. Эти семь мысов совпадают в картине мира якутов с семью (девятью) слоями (мирами) верхнего мира, на каждом из которых пребывают свои божества и духи. На каждом из этих мысов шаман делает остановку, аналогичную той, которую он, по другому варианту камлания, делает на облаках — верхних мирах Вселенной. Эти мысы

отмечают определенные отрезки пути шамана, которые создают временной ритм его путешествия по реке, длящегося в сакральном времени один год. Образ реки-года, как и Вселенной-года, которую она символически дублирует, присутствует во всех культурных традициях Сибири, но это тема специального исследования.

Итак, река в мифопоэтической традиции народов Сибири является важнейшим структурообразующим элементом мироздания как в широком космологическом смысле, так и в более узком, олицетворяющем средний мир людей, этническую или семейно-родовую территорию героя, его родной край, а также содержит в себе более возвышенный смысл Родины. Это служит подтверждением тому, что река играла огромную роль не только в формировании ХКТ народов Сибири, но и в становлении их мировоззрения, т.е. являлась одним из условий этногенеза в целом. Например, в хантыйском предании герой говорит о себе: «Я, человек, имеющий свою реку, я, человек, имеющий свою землю». Возвращаясь из далеких стран, богатырь обращается к своим оленям: «Ну, объезжающие реки дорогие олени, объезжающие земли милые олени, поищите край своей реки, поищите край своей земли» [Мифы и предания хантов и манси 1990].

Таким образом, даже далеко не полный обзор мифологии народов Сибири дает все основания утверждать, что здесь мы имеем тот классический вариант образа космической реки, который характерен для мифопоэтической картины мира великих цивилизаций Индии, Египта и Ближнего Востока. Это позволяет рассматривать Сибирь как один из центров «речной цивилизации» Старого света.

Библиография

1. Археологические памятники Якутии. Новосибирск, 1983.
2. Буровский А.М. Речные долины — роль в генезисе цивилизации // Природа и цивилизация: реки и культуры. СПб., 1999.
3. Волков И.А., Волкова В.С. О позднплейстоценовом озере-море на юге Западно-Сибирской низменности // Тр. Ин-та геологии и геофизики. Новосибирск, 1965.
4. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.
5. Генов Рене. Кризис современного мира. М., 1991.
6. Диков Н.Н. Новые данные по археологии северо-востока Сибири. 1964.
7. Дмитриевский Ю.Д. Роль рек в формировании современной африканской цивилизации // Природа и человек. Реки и культуры. СПб., 1995.
8. Дугин А. От сакральной географии к геополитике // Элементы. Евразийское обозрение. М., 1992. № 1.
9. Евдокимов В.В. Топография поселений эпохи бронзы степного Притобья // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.
10. Иванов В.В. Змея // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1.
11. Иванов С.В. Мамонт в искусстве народов Сибири // СМАЭ. М.; Л., 1949. Т. XI.

12. История Древнего Востока. М., 1983.
13. История Сибири. Л., 1968. Т. 1.
14. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Фирсов Л.В. Влияние природных условий на заселение и формирование хозяйственного уклада в Нарымском Прибые в эпоху бронзы // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.
15. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
16. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда. М., 1991.
17. Курьлев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов. СПб., 1998.
18. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич. Л., 1936. Вып. 1.
19. Мечников Л.И. La Civilisation et les grands fleuves historiques. Paris, 1889.
20. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. Киев; Харьков, 1899.
21. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.
22. Мильков Ф.Н. Ландшафтная сфера земли. М., 1970.
23. Мифологические сказки и исторические предания нганасан / Запись и подгот. текстов, введение и коммент. Б.О. Долгих. М., 1976.
24. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М., 1990.
25. Молчанов Ю.А., Федосеева С.А. Введение // Археологические памятники Якутии. Новосибирск, 1983.
26. Окладников А.П. Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л., 1950. Вып. 2.
27. Окладников А.П., Молодин В.И. Палеолит Барабы // Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983.
28. Павлов А.П. Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. М.; Л., 1936.
29. Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986.
30. Поплинский Ю.Ю. Предисловие // Природа и цивилизация: реки и культуры: Материалы конференции. СПб., 1995.
31. Пропп В.Я. Исторические корни русской волшебной сказки. Л., 1986.
32. Попов А.А. Религиозные воззрения якутов. Рукопись. Архив МАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 16.
33. Ригведа. М., 1989. Т. II.
34. Сказки и предания нганасан / Запись и подгот. текстов, введение и коммент. Б.О. Долгих. 1976.
35. Сокровенное сказание монголов / Перевод С.А. Козина. Улан-Удэ, 1990.
36. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.
37. Советский Союз. Российская Федерация. Западная Сибирь (географическое описание). М., 1968.
38. Советский Союз. Российская Федерация. Восточная Сибирь (географическое описание). М., 1969.
39. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии: Автореф. дис. ... канд. истор. наук М., 1982.

40. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.
41. Фольклор удэгейцев. Ниманку, тэлунгу, ехэ / Сост., вступит. статья, коммент. и словарь Е.П. Лебедевой, М.М. Хасановой, Т.В. Кялундзюги, М.Д. Симонова. Новосибирск, 1998.
42. Формозов А.Н. Равнинность Западной Сибири и связанные с ней особенности животного мира // Развитие и преобразование географической среды. М., 1964.
43. Чебоксаров Н.Н. Происхождение человека и заселение земли // Страны и народы мира. Земля и человечество. М., 1978.
44. Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Е.А. Алексеенко

РЕЧНОЙ КОМПОНЕНТ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОГО БАССЕЙНА

Территориально рассматриваемый регион включает бассейн Енисея от р. Сым на юге до р. Курейки на севере, а также бассейны Таза и Турухана. В XIX — начале XX вв. эта территория именовалась Туруханским краем. Коренными жителями здесь были кеты, а также периферийные группы северных селькупов и западных енисейских эвенков.

С рекой, приречным образом жизни и хозяйствования связан обширный пласт в культуре кетов и селькупов. Значительное место речной компонент занимает и в культурной традиции исконных таежных охотников и оленеводов — туруханских эвенков. Специально тема речного компонента у этих народов не рассматривалась, более того, даже в отношении кетов и селькупов, этносов с ярко выраженной рыболовецкой направленностью хозяйствования, речному пласту в их культурах часто отводился второй план. Связано это прежде всего с тем, что в период, о котором имеются конкретные сведения, жизнь этих народов определяли интересы таежной охоты, а в ней — пушного промысла; рыболовчество играло сопутствующую роль. Процесс, обусловивший подобную этнографическую действительность (конец XIX — середина XX вв.), начался с приходом на Енисей и прилегающие территории русских (конец XVI — начало XVII вв.), установлением пушной ясачной повинности и постепенным втягиванием коренных жителей региона в рыночные отношения, где основным товаром всегда была пушнина. Этот процесс изменил акценты в народном календаре, сказался на бытовом укладе, характере поселений, сроках использования того или иного вида жилища; у кетов и селькупов он вызвал к жизни так называемые